

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская
Большая душа

«Public Domain»

1918

Чарская Л. А.

Большая душа / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1918

Несколько печальных нот меланхолически пропело под неловкими детскими пальцами. Но верный и чуткий слух маленького горбуна не допустил ни одного фальшивого звука. Создавалась какая-то нехитрая, совсем простенькая и наивная мелодия, и тем не менее мелодия все-таки, вылетавшая из-под нетвердых, робких пальцев, не имевших понятия о музыкальной технике. Наигрывая таким образом, Веня, со свойственной ему мечтательностью, уже улета́л от действительности все дальше и дальше, воплощая свои грезы в звуках, робко извлекаемых им из инструмента.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лидия Алексеевна Чарская

Большая душа

ГЛАВА 1

Мачеха ушла, как всегда, в половине седьмого.

Веня проснулся как раз в ту минуту, когда входная дверь хлопнула за Дарьей Васильев-ной.

Открыл глаза и тотчас же закрыл их снова, сладко потягиваясь.

Весеннее солнце заливало комнату. В незавешенное окошко смотрело ясное синее небо с легкими облаками. Весело перекликались голуби на крыше, чирикали драчливые воробьи, радостно приветствуя возвращение весны.

Хорошо лежать так, подставляя лицо ласковому солнцу.

Вене кажется в такие минуты, что добрая фея солнца слетает в их маленькую квартирку и рассказывает ему чудесные весенние сказки – сказки про него, про Веню. Как будто сейчас, он и не Веня даже, убогий горбун, пасынок поденной швеи Дарьи Васильевны и сын рослого человека, с лицом, обветренным морскими ветрами, лицом кочегара, плававшего в море с тех пор как помнит себя маленький Веня, – а маленький принц, попавший в неволю к злому волшебнику. Злой волшебник разгневался на родителей Вени и превратил их сына в калеку-горбуна. Но чары злого волшебника должны рассеяться, как только разыщет Веню маленькая золотоволосая фея и поцелует его волшебным поцелуем. Однако феи не любят дождливой погоды и с наступлением холодов, вместе с перелетными птицами, улетают далеко в южные страны. А когда по-весеннему засмеется небо и солнечные лучи вырвутся из высокого голубого терема, прилетает на землю и лучезарная красавица-фея. Прилетит она как-нибудь и склонится к его изголовью, и поцелует его в закрытые глаза. И он проснется, и почувствует себя здоровым, сильным и красивым, как все остальные дети, у которых нет горба за спиной.

Ах, если бы могли сбыться когда-нибудь эти мечты, забравшиеся в голову мальчика после чтения книг, которые Дося приносила ему из дома каждый вечер. И нынче она обещала принести ему сказки Андерсена. Веня уже читал их дважды, но чуть ли не в сотый раз готов он прочесть их, особенно про маленькую трогательную русалочку, которая самоотверженно любила принца. И про гадкого утенка тоже. Иногда Вене кажется, что он сам гадкий утенок. Недаром же дети во дворе так долго не хотели играть с ним. Но придет время, и прекрасная волшебница-фея, с лицом Доси, прилетит, поцелует его и превратит в прекрасного лебедя. Тогда уж он, Веня, сумеет воспользоваться своей чудесной свободой! Он прежде всего полетит к морю, где плавает судно, на котором служит его отец, и уговорит его вернуться домой.

Возвращение отца – вторая заветная мечта ребенка.

Веня помнит отца прекрасно. Да и мудрено его забыть мальчику, когда кочегар судна добровольного флота «Трувор» приезжает обязательно раз в год навестить жену и сына, а иной раз провести с ними зимние месяцы.

Веня смутно помнит ранние годы детства. Помнит южный порт, лес корабельных мачт в гавани. Была еще жива его родная мама, болезненная женщина, с необычайной нежностью любившая своего калеку-ребенка.

Отец и тогда плавал в море и только наездами жил с ними.

Во время одного из плаваний Венина мать скончалась. Хорошо еще, что в эти дни у них гостила подруга матери, швея из далекой столицы, приехавшая отдохнуть к приятельнице. Благодаря ей Веня не остался один до возвращения отца.

Дарья Васильевна была еще не старая, энергичная девушка. Она пригрела и приласкала сироту. Она же дала слово вернувшемуся домой Ивану Федоровичу Дубякину заботиться и впредь об его сынишке, которому минуло тогда три года. Она увезла Веню в Петербург, так как сам Иван Федорович не решился бы взять с собою в море болезненного ребенка.

В один из своих приездов в Питер Дубякин, видя, как хорошо заботится о его мальчике добрая девушка, предложил Дарье Васильевне выйти за него замуж. Последняя была не прочь сочетаться браком с хорошим человеком, имевшим, несмотря на суровый вид, доброе сердце. Она сильно привязалась к маленькому Вене. А тут еще сыграло немалую роль письмо покойной жены Дубякина, матери Вени, написанное мужу незадолго до смерти. В этом письме больная женщина просила мужа жениться на Дашеньке, которая, по ее убеждению, должна была быть примерной матерью их маленькому сынишке.

И желание покойной было выполнено. Старый морской волк, Иван Дубякин, не мог оставить на произвол судьбы убогого сына после смерти жены.

Он справил скромно свадьбу и, сдав на попечение Веню второй матери, снова ушел в дальнее плавание.

* * *

«Пора вставать, довольно нежиться», – решил Веня и поднялся с постели. А мечтательная улыбка так и осталась на его лице, отражаясь в синих глазах, составлявших единственную прелесть неказистой внешности горбуна.

У людей составилось мнение о горбатых как о существах, озлобленных на весь мир. Но у Вени не было ни капли озлобления ни на судьбу, ни на людей. В его мечтательных глазах была только кротость и грусть.

– Ой, никак я проспал? Восемь уже пробило, – прислушиваясь к глухому бою часов за стеной, в квартире соседей, произнес мальчик и подбежал к окну.

Окно квартиры Дубякиных находилось на верхнем этаже огромного каменного дома, стоявшего в одной из дальних линий Васильевского острова. Внизу белел квадрат двора-колодца. Здесь же неожиданно радовали глаз три чахлые березки, Бог весть, каким чудом выросшие среди камней. Веня глянул вниз и увидел напротив, у крыльца, ведущего на черную лестницу, торговца-рыбника, окруженного женщинами.

Рыбак приходил ровно в семь часов утра и оставался у этого крыльца до половины восьмого, после чего направлялся дальше.

– Стало быть, не проспал, – решил Веня.

Потом, еще не вполне доверяя себе, Веня перевел глаза выше, на третий этаж.

Так и есть! Времени не может быть больше семи, ни в каком случае.

Девочка-прислуга, служившая у старухи-ростовщицы, жившей на третьем этаже, каждое утро протирала оконные стекла. Веня знал, что девочку зовут Лизой, и что ей житья нет от злой старухи, заваливавшей ее работой. Но никакая работа не смущала Лизу и менее всего отзывалась на ее веселом настроении. С наступлением весны каждое утро она с тазом мыльной воды и полотенцем появлялась в окне старухиной квартиры, которую Веня давно уже называл про себя «логовищем ведьмы». То напевая себе под нос, то заливаясь песней на весь двор, Лиза исполняла работу.

Веня каждый раз с затаенным страхом следил, как ее тоненькая фигурка повисала над провалом двора, держась за верхнюю часть рамы одной рукой, а другой протирала стекла с наружной стороны рамы. Было так жутко смотреть на это, что Веня невольно зажмурился.

Веня подолгу следил за работой девочки и искренне жалел бедняжку. И нынче, проверяя время по ее работе, он не мог не задержаться на мысли о том, что рано или поздно восторжествует правда, и бедная Золушка будет спасена велением доброй волшебницы, а ее старая

мучительница, злая колдунья, будет превращена в ворону, как злая мачеха принцессы Белоснежки.

Убедившись, что утро еще раннее, и что он не проспал нисколько, Веня отошел от окошка и поспешил в кухню.

На плите закипал заваренный кофе. Тут же стояла кастрюлька с молоком, а в глиняном горшке, стоявшем на кухонном столе, находились остатки вчерашнего супа, два сырых яйца, которые вместе с большим ломтем хлеба и долей масла на блюдечке мачеха оставила Вене к обеду.

Вечером же Дарья Васильевна приносила вместе с провизией к следующему дню немного готовой закуски к ужину, а иногда добавляла чего-нибудь сладенького для Вени.

Наскоро одевшись и вымывшись под кухонным краном, Веня напился кофе и принялся за уборку.

Мальчик прибрал свою постель на старом потертом кожаном диване. Взял веник из кухни и тщательно вымел все помещение, не забыв стереть пыль с вещей в комнате. Покончив с этим делом, Веня прошел в кухню и тщательно вымыл и вытер кружку, из которой только что пил кофе.

Оставалось только подбросить дрова под плиту, чтобы разогреть щи к обеду, сварить кашу да спечь в духовке деревенскую яичницу с молоком, которую выучила его готовить мачеха. Дрова находились между двумя половинками входной двери, и Веня уже собрался направиться за ними, как резкий, дребезжащий звук колокольчика нарушил тишину крошечной квартиры.

Мальчик вздрогнул при первых звуках звонка. Но тотчас же весело и радостно улыбнулся, и глаза его засияли ярче.

«Дося! Наверное, она. Кто же другой будет так отчаянно трезвонить?» – промелькнуло в мыслях маленького горбуна, и он поспешил к двери.

* * *

– Ну, конечно, Дося!

Высокая, тоненькая девочка с белокурыми локонами, разбросанными по плечам и перехваченными двумя яркими алыми бантами над маленькими розовыми ушами, в платье, из которого она успела вырасти, вбежала в кухню и кинулась к маленькому горбуну, уткнулась ему лицом в плечо и зарыдала.

– Она опять... опять меня прибила!

– И опять ни за что, ни про что, конечно? И опять ты, конечно, пострадала невинно, бедная Дося? – произнес Веня.

Новое рыдание было ответом на его слова.

Девочка освободилась из рук своего приятеля и ушла в комнату. Здесь она повалилась на кожаный диван и, зарывшись лицом в потертую гарусную подушку, вышитую когда-то Дарьей Васильевной в подарок мужу, залепетала, всхлипывая и обрываясь на каждом слове.

– Ну чем я виновата, скажи на милость, что не могу и не умею я читать стихи, как она? Нет у меня таланта ни капли, да и только. Ну, послушай, горбунок, сам подумай: если она такая умная – не все же должны быть такими? И таланта у меня столько же, сколько у черной курицы соседей... Ах ты, Господи! Уж я и не знаю, что мне делать, горбунок, право. Ведь обидно же слушать каждый раз, что я «дылда» и «тупица» и что мне давно пора подумать о том, как зарабатывать себе самой хлеб; и что я до четырнадцати лет, как камень, вишу у нее на шее. Да разве я сама рада этому? Да что же делать, горбунок, если я уж такая ничтожная и бездарная уродилась? Ни шить, ни вышивать не умею. Да и не люблю я этого. Пускай лучше в дырках вся ходить буду, а ни за что ничего не почию себе сама... Ни за что в мире! За это она и

бранит меня. А потом – эти стихи! Мука – декламировать их перед ней! Не в силах я этого делать, горбунок мой хороший! Ты представь себе только: сядет она в кресло, такая нарядная, красивая, благоухающая, и начнет смотреть на меня своими чудными глазами. Смотрит и ждет, когда я начну. А у меня, как нарочно, в голове последние мысли путаются. И под коленками что-то дрожит. Захочется не стихи ей читать, а говорить ей, какая она прекрасная, добрая, а я гадкая, противная, бездарная перед нею.

– Неправда! Не добрая она, если тебя бьет и мучит немилосердно, – оборвал шепот девочки Веня.

Тут, словно на пружинах, подскочила со своего места Дося. Ее мокрое от слез лицо просияло, а карие глаза блеснули.

– Вот уж нет, вот уж неправда! – вырвалось у нее. – Совсем она не злая и меня не мучит, а только вспылчивая немножко она, моя крестная! Виновата же я одна в том, что ее из себя вывожу. И не смей ее бранить, горбунок, слышишь? Потому что она ангел, и ни ты, ни я не смеем ее судить! Когда она выходит на сцену, публика плачет и засыпает ее цветами. Она была бы первую актрисой в мире, если бы у нее были деньги и наряды. А без нарядов не больно-то легко выступать на сцене. Ах, да что я тебе говорю все это? Ты, наверное, ничего не понимаешь. И крестную мою судишь потому только, что ее не понимаешь!

– А зачем она тебя прибила опять сегодня?

– Ну вот, уж и прибила! Да ничего подобного – ударила всего два раза, даже и не больно было вовсе.

– Да ведь ты же плакала?

– Ну да, плакала. Так что ж из этого? Глаза у меня на мокром месте, оттого и плакала. А вот сейчас, видишь, уж и не плачу вовсе, не плачу, а смеюсь. Ха-ха-ха, миленький ты мой, глупенький ты мой горбунок Веничка! Славный ты мой, верный дружок!

Дося действительно смеялась искренне и беззаботно. Теперь Дося уже не казалась тою обиженной и несчастной девочкой, какой прибежала поведать свое горе несколько минут тому назад.

Веня ласково смотрел на девочку.

Дети встретились два года тому назад в соседней лавке, где они оба закупали себе на день провизию. Он, пасынок швеи Дубякиной, и она, крестница и воспитанница драматической актрисы частного театра Ирины Иосифовны Подгорской, снимавшей комнату в том же доме, где жил с мачехой Веня.

Случилось так, что Дося, прибежавшая в лавку за восьмушкой чая и фунтом ситного, потеряла деньги по дороге, и ей нечем было платить. Убедившись в своей потере, девочка помертвела. Ирина Иосифовна была строга со своей крестницей и не спускала ей никаких оплошностей. Сама не своя, девочка выбежала из лавки и, вернувшись во двор большого дома, вместо того, чтобы подняться к себе в комнату, забила в темный угол двора, туда, где были сложены поленья и всякая рухлядь. Здесь и нашел ее Веня. Он отдал ей ту небольшую сумму денег, что оставила ему на обед мачеха, не успевшая купить ему провизию накануне.

Дося, не колеблясь, приняла помощь от своего неожиданного благодетеля, а Веня храбро вынес до вечера муки голода, на которые обрек себя ради чужого блага.

С этого дня и началась их дружба.

Надо сказать, что Дося Оврагина пользовалась исключительным влиянием среди дворовой детворы. Это были дети жильцов огромного каменного дома, населявших маленькие квартиры. Дося была и старше, и начитаннее, и развитее их всех.

До сих пор эти ребяташки избегали общества слабого и тихого Вени.

– Уйди от греха дальше, еще толкнут тебя ненароком, ушибут, заплачешь, нам же достанется, – часто слышал от детей маленький калека и поневоле должен был сторониться детского общества.

Но со дня знакомства с Досей Оврагиной все изменилось. Двенадцатилетняя Дося первая среди дворовой детворы заводила игры, придумывала интересные забавы, и ей беспрекословно подчинялись здешние ребята. Однажды Дося заявила ребятам, что желает, чтобы и «горбунок», то есть Дубякин Веня, участвовал в их играх, дети покорились, и Веня Дубякин был единогласно принят в их кружок.

Было что-то притягивающее в открытом веселом, хотя и легкомысленном характере Доси, что главным образом и подчиняло ей остальных детей. Подчинился ей и Веня. Теперь он, как маленький паж, ходил за своей королевой и безропотно позволял ей командовать собой.

И Дося, одинокая, с изголодавшейся без дружбы душой, нашла, наконец, себе друга и товарища, Веню. Теперь все свободное время дети проводили вместе. У Доси было много книг, и Веня, научившись читать в приготовительной школе, которую посещал две зимы подряд и которую окончил лишь этой весной, с жадностью накинудся на них. Особенно любил он сказки. Да и длинные беседы его с Досей как будто мало отличались от сказок, прочитанных Веней.

Дося была сама точно интересная книга – сказка. Она верила в колдунов, добрых и злых фей, ведьм и волшебниц и буквально бредила ими. И со дня знакомства с девочкой Веня словно погрузился в какой-то новый мир волшебных сказочных грез.

* * *

– Ха-ха-ха, – вдруг неожиданно звонко расхохоталась Дося, – вот-то я глупая! Совершенно забыла, зачем пришла. Новость ведь я тебе принесла, Веня, и очень нерадостную новость. Послушай-ка, горбунок, ведь мы с тобой последние месяцы проводим вместе!

– Как так – последние? Что ты такое говоришь, Дося? – испуганно проронил мальчик.

– Ну да, последние. В августе я – тю-тю; послушай только: крестная получает место в провинции, где-то далеко-далеко отсюда; очень хорошее место, где она будет играть настоящих принцесс и королев. И жалованье там ей будут платить большое. Ну, конечно же, она и меня возьмет с собой и тоже пристроит у них в театре, где я буду исполнять роли девушек из толпы, в тех пьесах, конечно, где требуется толпа на сцене. Недаром же крестная занялась сейчас моими манерами и уроки декламации возобновила со мной. Она говорит, что не всем же актрисам и актерам играть главные роли, надо кому-нибудь изображать и второстепенные, маленькие, и что хоть на это-то я, может быть, окажусь способной. Такая громадная, а целыми днями бьет баклуши. Пора за работу взяться. Каждый человек работать должен. Это она мне сегодня еще до урока декламации сказала. И еще сказала, что своему будущему начальнику – антрепренеру то есть, уже писала обо мне и ответ уже его получила. Он согласен принять меня статисткой на маленькое жалованье в свою труппу. Так-то, мой милый горбунок, первого августа – мы с тобой, значит, и должны расстаться, волей-неволей.

Это известие ошеломило Веню. Одна мысль о разлуке с Досей показалась мальчику чудовищной.

– А как же я-то один останусь? Что я тут без тебя делать буду, – с трудом выдавил из себя маленький горбун; синие глаза мальчика наполнились слезами.

Даже беспечная, жизнерадостная Дося почувствовала, как должен был сейчас страдать ее друг. Горячая волна жалости залила ее маленькое сердце.

– Послушай меня, горбунок, послушай, – говорила она, обняв за шею Веню, и потянула его на их любимое место у окна. Здесь девочка уселась на подоконник и, указав на место подле себя, скомандовала:

– Садись!

Подождав, пока Веня уселся рядом, Дося заговорила:

– Ты не горюй, горбунок, в самом деле, не горюй. Я буду писать тебе часто-часто и вспоминать о тебе каждый день. И потом, не думаешь ли ты, в самом деле, что в одно прекрасное утро в твоё окно, действительно, влетит пара белых лебедей, впряженных в маленькую золоченую колесницу, в которой будет сидеть добрая волшебница-фея. Понимаешь, горбунок, – наша с тобой добрая фея! И вот она превратит тебя, наконец, в прекрасного принца, горбунок, в настоящего прекрасного принца, в бархатном камзоле, в берете, с плюмажем, как на той чудесной картинке из моей книги сказок. И ты придешь за мною и увезешь в свой дворец. Это будет чудесно! Целый день будет греметь в честь нашего приезда веселая музыка. И есть мы будем на золотых тарелках самые прекрасные кушанья, ананасы, например, и спаржу, и еще шоколад-миньон...

– И ливерную колбасу... Я ее люблю ужасно! – подхватил Веня, внезапно заражаясь настроением подружки.

– Да, да, и ливерную колбасу, если, хочешь. Хотя вряд ли в королевских дворцах подаются такие простые вещи. Вот другое дело, рябчики, фазаны и персики или кондитерские конфеты и сливочное мороженое, – мечтательно перечисляла Дося. И тут же призналась с очаровательной искренностью: – Послушай, горбунок, у тебя не текут слюнки, когда ты думаешь обо всех этих чудесных вещах?

– Пожалуй.

– А я так прямо с ума схожу, когда обо всем этом подумаю, особенно сегодня. Ведь подумай, горбунок, одной декламацией сыта не будешь, а кроме этих ужасных стихов, у меня за сегодняшний день еще ничего не было на языке.

– Ах, ты, Господи! Так что же ты мне не сказала об этом раньше? – вырвалось у Вени, и он даже в лице изменился при словах девочки. – Бедная моя ты, Досенька, неужели же она еще и морит тебя голодом вдобавок ко всему?

– Какие глупости! Вот ерунду-то выдумаете тоже! – И возмущенная Дося топнула ногой. – Во-первых, причем тут «она», когда все зависит от меня самой, и только. Крестная уехала на репетицию и оставила мне огромный запас еды; и если бы я захотела, то стоило мне только разжечь керосиновую машинку и...

– Так почему же ты этого не сделала раньше?

Лукавая и смущенная улыбка проползла по губам девочки.

– Мне было просто лень, горбунок, заниматься стряпней. Разве это подходит ко мне, скажи на милость? Ты же сам говоришь, что я похожа на принцессу. А какие же принцессы занимаются кухней? Ерунда!

– Да, да, ты права, пожалуй, – рассеянно отвечал, сползая с окошка, Веня, в то время как в голове мальчика уже зародились новые мысли.

– Какое счастье, однако, что он еще не успел уничтожить заготовленных ему на сегодня припасов. Какое счастье! По крайней мере он угостит ими Досю. Правда, девочка привыкла к более изысканным кушаньям, которые актриса Подгорская берет для себя и крестницы из ближайшего ресторана, и которые Досе вменяются в обязанность разогревать на керосинке.

Но за неимением лучшего можно обойтись нынче и тем, что у него есть, тем более что Веня был много проницательнее детей своего возраста и отлично с первых же слов Доси понял то, в чем ни за что, ни за какие блага мира не призналась бы ему Дося. Мальчик знал, что недовольная нынешним уроком декламации крестницы Подгорская оставила Досю в наказание без обеда.

Со стесненным от жалости сердечком, браня в душе «злую мучительницу» его Досеньки, Веня захопотал у плиты, пока сама Дося, высунувшись из окошка, внимательно следила за тем, что происходило во дворе.

– Ну, твой обед готов. Садись и кушай.

При виде накрытого чистой скатертью стола и аппетитно разложенных на тарелках яичницы и кусков хлеба с маслом девочка весело захлопала в ладоши.

– Конечно, это не фазаны и не сливочное мороженое, горбунок, но, за неимением их удовлетворюсь и этим, – сказала она и принялась за обед.

А Веня благоговейно смотрел на нее.

Когда все было съедено, Веня вдруг замер и сказал:

– Слышишь, Дося? Он играет снова!

Дети снова уселись на подоконник. На том же этаже, в окне напротив, стоял юноша в черной бархатной куртке и играл на скрипке. Что это была за чудесная музыка – ни Дося, ни Веня не знали.

И сам юноша, так великолепно игравший на скрипке, казался им особенным, незаурядным существом. Нынче же незнакомый юноша как будто превзошел самого себя. Звуки плакали и смеялись под его смычком. Струны рассказывали какую-то чудную, волшебную сказку, одной мелодией, одними звуками. Но вот игра оборвалась...

– Господи, неужели конец? Уже конец? – прошептала Дося, и, прежде нежели маленький горбун успел удержать свою подругу, она высунулась до половины из окошка и неистово зааплодировала незнакомому музыканту.

– Браво! Браво! – вторил шумным аплодисментам ее звонкий голосок.

Незнакомый юноша поднял голову и, видя в окне детей, ласково им улыбнулся. Потом скрипач выступил из глубины комнаты и низко поклонился детям, как взрослым.

ГЛАВА 2

Бледная северная весна несла оживление и радость людям. Некоторые из жильцов уже перебрались на дачу на летние месяцы, поближе к природе. Но значительная часть обитателей дома, преимущественно бедных тружеников, оставалась здесь, довольствуясь раскрытыми настежь окнами и слабо доносившимися из соседних скверов запахами зацветающих деревьев.

С наступлением теплых майских дней детвора проводила время с утра до вечера во дворе. Теперь Дося и Веня все чаще примыкали к веселому детскому кружку.

Благодаря своей веселой подружке и покровительнице, Веня чувствовал себя свободно в детском обществе – никто не смел обидеть маленького горбуна. Дося стояла на страже интересов своего друга. Вскоре к двум друзьям присоединилась и новая подружка. Все чаще и чаще прибегала играть с дворовыми молоденькая служанка Лиза, служившая у старухи-ростовщицы с третьего этажа.

Старуха гостила сейчас на даче у замужней дочери, и девочка-служанка могла свободнее располагать своим временем. Все утро Лиза проводила в работе, зато, управившись к вечеру, сбегала вниз и принимала самое деятельное участие в детских играх. Несмотря на свои пятнадцать лет, она была совсем ребенком, и детские игры занимали и увлекали ее. С десяти лет жила Лиза здесь, в Петербурге, привезенная из деревни матерью. Последняя определила девочку на место к старой ростовщице Велизаровой. Старуха была слишком скупа для того, чтобы взять к себе в дом взрослую прислугу, требовавшую приличного вознаграждения. Лизе же она платила ничтожное жалованье и кормила впроголодь.

Досе и Вене понравилась бойкая, жизнерадостная Лиза, умевшая запевать хоровые деревенские песни и забавно рассказывать про свою ворчливую и скупую хозяйку.

– И-и как жметса она, миленькие, с хлеба на квас перебивается, только бы что лишнего не потратить.

– А что же вы едите? – полюбопытствовал кто-то из детей.

– А когда что: картошку либо кашу; иной раз щи варим, а то суп.

– А на второе?..

– А на второе лоб крестим, вот тебе и второе, – беспечно хохотала Лиза.

– Так ты голодаешь, стало быть? – участливо спросил как-то раз девочку Веня.

– Ну, понятно, не сыта до отвала, что уж тут под шапку шептать. Зато, миленькие, чего только не насмотришься – такого, что и за целый год не рассказать, право. Сама-то у меня денежная, только скупая до страсти... А уж богачиха такая, что ни в сказке сказать ни пером описать. Небось, слыхали, ростовщица она, людей то есть деньгами ссужает. Заместо того, чтобы в ломбард вещи закладывать, люди, чтобы без хлопот было, несут к моей хозяйке добро свое. Она им, стало быть, деньги под него выдает, а себе ихние вещи до времени, до выкупа, оставляет.

– А денег много дает за вещи? – поинтересовалась Дося.

– Какое! Малость самую – гроши. Да ежели вовремя вещь свою не выкупит кто из тех, что победнее, так и – ау, брат! – вещица-то твоя пиши пропало! Оставит ее за собой хозяйка, а там, при первом случае, и продаст повыгоднее. Зато иной раз принесет какой человек в заклад моей-то, так уж улещает – упрашивает, чтобы она, значит, повременила, не приневоливала его спешить с выплатой-то. А иной придет с деньгами откупить свое добро, смотрит он, а добро-то уж давно и продано даже. А старуха еще смеется: «Сам виноват, батюшка, зачем деньги не внес вовремя, голубчик». Так сколько слез да горя людского я повидала за эти пять лет, что живу у Велизарихи, – так и не расскажешь, говорю.

– Так зачем же ты у нее служишь? Ведь злая она, ведьма, противная, – сорвалось у Доси. Лиза серьезно, без улыбки, взглянула на девочку.

– А где-нибудь надо служить, как ты думаешь? – отвечала она степенно, тоном взрослой девушки. И тут же прибавила: – Да и маменька как определяла меня сюда на место, крепко наказывала, чтобы зря местов не менять ни в каком случае. Баловство это.

– Да если хозяйка злая? Через силу работать велит да и кормит плохо? – не унималась Дося.

– Да кто ж мне велит работать-то так? Хоть сейчас возьмем, к слову сказать: сама-то гостит у дочки каждое лето на даче; приезжает через три дня на четвертый, а я все одна, и без нее, как при ней: и пыль стираю, и окна по утрам мою. Я работать люблю, особенно окна мыть весной и летом. Стоишь высоко-высоко над землей; словно птица на жердочке, примостишься на подоконнике, а прямо надо мной небо. Синее такое, красивое. И кажется тогда, что и впрямь я – птица, взмахнешь руками, ровно крыльями, и полетишь. Полетаешь-полетаешь, да прямехонько у себя в деревне и спустишься. А там у нас уж так-то хорошо, что и словами не опишешь. Рай Господень, да и только. Лес у нас сразу за речкой начинается. А речка широкая, студеная. В летнюю пору купаться – не купаешься досыта. А выйдешь в поле – кажись, конца ему нет. Так бы и помчалась по нему без оглядки.

Лиза рассказывала с таким горячим воодушевлением, что Досе и Вене Лизина деревня и впрямь казалась какой-то обетованной землей.

Однажды Дося попросила ее:

– Слушай, Лиза,пусти меня как-нибудь к себе, ради Бога, когда утром не будет дома твоей старухи. Я тебе помогу окна мыть; вместе и песни петь будем, тебе же веселее станет. Ладно? Пустишь, Лизонька?

Лиза звонко, весело расхохоталась в ответ на эти слова.

– Куда тебе, ты же барышня; да нешто сумеешь ты мыть окна? Сказала тоже!

Дося вспыхнула:

– А по-твоему, не сумею? Как же! Да я! я у нас дома все сама делаю. И пыль стираю, и обед разогреваю, и...

– Ну, пыль-то стирать да обед разогревать не велика трудность, – оборвала ее Лиза, – пыль-то я тебе и у нас стереть позволила бы. Хоть и сама-то я едва-едва с этим делом справляюсь. Подумайте, миленькие, ведь каждую-то вещичку перетереть надо; а вещей этих самых у старухи – гибель. Особенно хрупкие вещи, одна беда с ними. Есть у нас, к примеру, часы бронзовые, под стеклянным колпаком, а над ними китаец сидит, глазами раскосыми водит. Часы тикают, а он словно маятник, глаза то вправо, то влево, тик-так, тик-так.

– Живой? – не то восторженно, не то испуганно вырвалось у одного из маленьких слушателей.

– Сказал тоже! – усмехнулась Лиза маленькому восьмилетнему сыну прачки, Сене. – Будет тебе под стеклянным колпаком живой китаец сидеть – небось, задохнется. Кукла, понятно, только так уж эта кукла, скажу я вам, хитро сделана, что как есть живая, да и только.

– Лизонька, душечка, миленькая, сведи ты нас с Ваней как-нибудь в квартиру твоей старухи, покажи нам китайца! – неожиданно взмолилась Дося.

– И меня! – вторил ей Сенья.

– И меня! – слышался еще чей-то молящий голос.

– И меня, и меня, Лизонька! – присоединились к ним остальные дети.

Но Лиза только улыбнулась в ответ на все эти просьбы и покачала головой.

– Никак этого невозможно сделать, миленькие, потому хозяйка во всякое время нежданно-негаданно вернуться домой может. Скандалу тогда не оберешься, ей-ей! Лучше слушайте, что я вам про другие вещи, какие у нас есть, рассказывать буду.

И, все больше и больше заинтересовывая своих маленьких слушателей, Лиза описывала детям имевшиеся в квартире старой ростовщицы диковинные вещицы.

Кроме китайца с живыми бегающими глазами, были там и две другие забавные вещицы: чучело медвежонка, совсем живого на вид, по уверению Лизы, и прелестный старинный сервиз с картинками.

– А сервиз этот из нашего дома, от здешнего жильца. Музыканта-скрипача в четвертом этаже видали? Так еще в конце зимы принесла евонная сестренка, Асей звать, такая щупленькая, в окошке когда видели? – пояснила Лиза.

Многие из детей, действительно, видели не раз в одном из окон четвертого этажа смуглую черноглазую девочку. Видели ее и Дося с Веней, но мало обращали на нее внимания.

– Так, значит, и он тоже бедный? – с загоревшимися от любопытства глазами допрашивала рассказчицу Дося.

– А то как же! Были бы богатыми, с нашей бы не знали. Говорят, он еще учится, скрипач-то этот, не дошел еще до заправского музыканта, значит. Ну вот деньги-то зарабатывать и нет времени. А сестренка в пансионе у него зимой живет; летом только домой приезжает. Страсть иной раз как в деньгах они нуждаются! Ихняя прислуга сказывала, когда к нам за утюгом приходила.

– А сервиз, ты говоришь, их же? – заинтересовался Веня, которому как-то чудно и странно было услышать все эти новости.

Незнакомый юноша, так божественно игравший на скрипке, казавшийся им с Досей каким-то особенным, неземным существом, оказался таким же бедняком, как и они сами – и он, и Дося. И даже больше того: бывал и голоден, и нуждался в самом необходимом. А между тем, его игра на скрипке делала самого юношу каким-то особенным, недоступным, могущественным, по крайней мере, в глазах их, детей. Но таким бедным и нуждающимся он показался много милее и ближе сердцу Вени.

Он хотел поделиться своими впечатлениями с Досей, но та о чем-то оживленно шепталась в это время с Лизой, удалившись в сторону от других детей. Когда же Дося шла провожать маленького горбуна до дверей квартиры Дубякиных, девочка сообщила своему другу:

– Послушай-ка, горбунок, а ведь она согласилась! Согласна пустить меня помогать мыть окна в первое же утро, что я проснусь рано. А еще, горбунок, еще, миленький, велела она нам с тобой прийти к ней завтра, вечером. Она нам китайца с часами и медвежонка, и сервиз – все, все покажет. Только просила никому, никому об этом не говорить.

* * *

Как нарочно, на следующий вечер Дарья Васильевна, приходившая всегда в половине восьмого, опоздала домой. «Конечно, мачеха не знала, какой интересный вечер предстояло провести сегодня ему, Вене! А если бы знала, то уж, разумеется, поспешила бы домой, чтобы отговорить его, Веню, идти в чужую квартиру», – нередко проносила не совсем приятная мысль в голове мальчика.

Старуху Велизариху недолюбливали жильцы большого дома. Уже благодаря своему ремеслу старая ростовщица не внушала никому симпатии, ремеслу, успех и прибыльность которого зависели от несчастья другого. Но, помимо этого, Велизариха была вообще несимпатична, и редко у кого из жильцов не происходило стычек со взбалмошной и строптивой старухой, готовой браниться из-за всяких пустяков. То ей не хватало в общей прачечной места или в общем леднике, то поднимала она шум из-за нескольких полениц дров, которые у нее «бесстыдно украли». Немудрено, что люди всячески старались избегать квартирантку с третьего этажа. И, конечно, зная Венина мачеха, куда идет Веня в этот вечер, она удержала бы пасынка от этого необдуманного поступка.

Наконец, Дарья Васильевна вернулась домой, к полному удовольствию Вени.

– Наконец-то, мамаша, а я уж думал, что вы не вернетесь, – вырвалась у него первая фраза, как только он открыл мачехе дверь квартиры.

– Ну и глупенький, ежели так думал; на кого же я тебя одного оставила бы? На вот, покушай лучше. Это мармелад. По дороге тебе купила. С Досей своей поделишься. Ты ведь у меня не лакомка, больше о подруге хлопочешь. Знаю я тебя. А это – чайная колбаса да сыр зеленый и два пеклеванника к ужину. Самовар – то у нас кипит?

Дарья Васильевна была еще далеко не старая женщина, с добродушным лицом, какие встречаются часто у нас, на родине.

– Попьем, поедим да и на боковую. Заработалась, устала я нынче; долго не высижу. А ты, небось, к ребятам еще во двор играть отправишься? – наливая чай себе и пасынку, спросила она.

Веня, густо краснея за свою подневольную ложь, пробормотал чуть внятно:

– Пойду, если позволите.

– Отчего не позволить – ступай себе. До десяти играть можешь. Только ключ от квартиры захвати с собой. На воздухе тебе быть полезно. Ишь, ты у меня бледнуша какой. Вот вернется отец осенью, непременно скажу ему – захватить тебя с собой в море после зимовки. Может, и укрепит тебя плавание на чистом воздухе – поправишься, поздоровеешь, а может – и местечко тебе отец на судне какое найдет. Вот тогда и совсем ладно будет.

– Не дадут мне места, я убогий, мамаша, – грустно произнес Веня.

– Понятно, что тяжелого не дадут, которое не по силам, потому ты еще дитя, мальчик, летами не вышел. А что-нибудь подходящее – почему бы не подыскивать, Веничка?

Все это Дарья Васильевна говорила между едой, то и дело поглядывая на пасынка, который ни жив ни мертв сидел нынче за столом.

«Вот она какая добрая и заботливая, – думалось в это время Вене, – даром, что никогда не приласкает, не поцелует по-матерински; а я-то ее обманывать собрался. Сказал, что к ребятам иду, а сам – в квартиру Велизарихи вместо этого!» – томился мальчик.

Веня был прав. Действительно, в сдержанной и замкнутой натуре Дубякиной не было нежности и ласки. Не было их по отношению к пасынку, но и без этого Веня знал, что мачеха любит его чуть ли не больше всего в мире и более, чем кто-либо другой, скорбит над его убожеством.

Наконец, кончилось мучительное для Вени чаепитие и, наскоро перебив чайную посуду и убрав со стола, мальчик вышел из квартиры.

* * *

– Ну вот, а уж я думала, что ты не придешь, надуешь. Ведь уже девять часов без малого, – встретил Веню взволнованный шепот Доси, ожидавшей приятеля на нижней площадке лестницы. – Гляди-ка, вон Лиза из окошка нам знаки какие-то подает. Бежим же скорее, горбунок, пока не хватилась меня дома крестная. Что это – мармелад? Спасибо! От Абрикосова? Вкусный какой! Прелесть. И как раз мой любимый – желе!

И, запихивая в рот лакомство, Дося потащила своего друга за собой. Перебежать двор, вбежать в подъезд напротив, подняться в третий этаж, где находилась квартира Велизарихи, было делом нескольких минут для Доси и Вени.

– Т-с. Тише, ради Господа! А то, чего доброго, соседи услышат и моей старухе нажалься, – встретила гостей на пороге Лиза.

И тут же все трое, как заговорщики, стали красться из темной передней в первую комнату, всю заваленную разнообразной сборной мебелью и вещами.

– Господи, точно склад или лавка старьевщика, – сказала Дося.

Глаза детей разбежались при виде загромождавших две большие горницы вещей. Чего тут только не было!

И старая мебель, и стенное зеркало, и туалетное зеркало, и мраморный умывальник, и большие картины в рамках, и несколько пар стенных и настольных часов.

Тут же, вдоль стены, висели теплые шубы, пальто и даже платья, прикрытые от моли тряпками. Несколько самоваров, подсвечников, бронзовых ламп и канделябров на столах и полках.

– А вот и китаец! Видите? И мой любимец Мишенька тоже. А сервиз в шкапу стоит, покажу после, – весело произнесла Лиза.

На круглом столе, стоявшем посреди комнаты, сидела, поджав под себя ноги, правдиво выполненная фигурка фарфорового китайца, величиной в четверть аршина. Пестрый халат, длинная коса и раскосые, бегающие, как у живого существа, глаза фигурки – все было сделано с особенным реализмом. Китаец держал в руках бронзовые часы и как будто прислушивался к их веселому тиканью, в то время как узкие косые глазки его бегали из стороны в сторону в такт маятнику.

– Вот-то прелесть! – восхищалась Дося.

– А мне этот китаец не очень-то нравится, Мишка гораздо лучше, – глядя густую шерсть чучела, произнес Вень.

– Постойте, постойте, я вам еще кое-что покажу, – польщенная произведенным на детей впечатлением тараторила Лиза, лавируя среди мебели по направлению к большому черному шкапу, занимавшему чуть ли не добрую треть стены комнаты, и распахнула дверцы.

– Вот. Смотрите.

Тут взорам Доси и Вени представился расставленный на средней полке роскошный сервиз с нарисованными по фарфору маркизами, в камзолах и жабо. Их прелестные дамы были одеты в широкие платья с фижмами, и с нарядными посохами в руках, которыми они пасли прелестных белых барашков.

Тут же, рядом с сервизом, находилось дорогое серебряное пресс-папье в виде тонконогой арабской лошади с развеянными хвостом и гривой.

Эта серебряная вещица была очень невелика, но чрезвычайно хорошо сделана.

– Дай мне рассмотреть поближе эту лошадку, – взмолился маленький горбун, глаза которого так и впились в вещицу.

Девочка кивнула и, осторожно сняв с полки коня на малахитовой подставке, подала его Вене.

Тот схватил вещицу обеими руками и стал ее рассматривать со всех сторон, в то время как все внимание Доси было поглощено чудесным сервизом. В надвигающихся сумерках прелестные пастухи и пастушки на чашках, чайнике, сахарнице и кувшине казались живыми.

Неожиданно и резко задребезжал у входной двери колокольчик и вмиг нарушил очарование, овладевшее детьми.

– Это она... хозяйка! – испуганно сорвалось с губ Лизы, и она суетливо заметалась по комнате.

– Что ж вы стоите? Прячьтесь скорее. В ту комнату лучше всего ступайте. Там ширма. Заберитесь за нее в угол и ждите. Авось, снова уедет сегодня. Господи! Вот напасть-то! Пропала я, как есть пропала! Коли увидит она вас – со свету меня сживет...

Слова неразборчиво срывались с губ Лизы, в то время как сама она все еще продолжала метаться по горнице, натываясь на мебель, и то и дело подбегая к шкапу и то открывая, то закрывая его без всякой нужды. А звонок в это время продолжал оглушительно заливаться в передней.

Наконец, Лиза схватила Досю и Веню за руки и увлекла их в соседнюю комнату. Здесь находились широкая кровать старухи с горой перин и подушек, и киот с образами, перед которыми догорал огонек лампы.

В углу, за ширмой, куда втолкнула своих друзей Лиза, стоял большой окованный железом сундук, прикрытый ковром.

– Сидите пока что здесь. Ни шикните. Дохнуть не смейте, не то услышит старуха, беда! – шепнула она им, все так же волнуясь, после чего кинулась в переднюю.

– Господи, что теперь будет! – простонал Веня.

– Да ничего особенного и не будет вовсе! – беспечно тряхнув кудрями, шепнула Дося. – Придет и уйдет злая ведьма, а не то спать завалится. Не всю же ночь она будет здесь сидеть?! А как уснет, мы и зададим тягу. А знаешь, мне нисколько вот не страшно, горбунок! А совсем напротив даже; точно мы с тобой, как те двое детей из сказки, заблудились в лесу и попали в избушку на курьих ножках, к злой бабе-яге людоедке и прячемся у нее в печке. Помнишь, мы вместе читали про них с тобою? Занятно, не правда ли? По крайней мере, приключение все же. А я страсть как люблю их, горбунок!

Но Веня, по-видимому, не находил ничего занятного в «приключении», и одна мысль о том, что Велизариха может открыть их убежище, приводила его в ужас.

Вдруг он задрожал сильнее и так крепко схватил за руку Досю, что та едва не вскрикнула, и проговорил:

– Старуха... она вошла... она здесь... уже. Ты слышишь, Дося?

Звонок смолк. Теперь было слышно, как с грохотом опустился тяжелый крюк у входной двери, и старуха вошла в прихожую.

* * *

– Так я и знала. Так и чувствовала. Ленивой была, ленивой и осталась. Говори, не говори тебе, – все едино... Что тебе приказывать, что воду в решете носить – одно и то же. Опять ковры не вытряхала нынче? Ишь, пыли накопилось сколько. И керосином воняет. Верно, опять у тебя керосинка коптела? Небось, зажгла ее, а сама играть во двор с ребятами побежала? Куда как хорошо! Распрекрасное дело! И потом, сколько тебе раз говорили, Елизавета, чтобы ты диван с дороги к стенке отодвинула. Каждый раз я натыкаюсь на него и коленкой стукаюсь.

– Да мне одной не сдвинуть его, Аграфена Степановна, тяжел больно.

– Тяжелый больно! Больно тяжелый! – передразнила девочку хозяйка. – Удивительно, какая «принцесса на горошине», подумаешь. Тяжело ей, видите ли, диван с места сдвинуть. А, небось, забыла, как у себя в деревне не такую еще тяжесть на себе таскала. Разленилась ты, мать моя, да и ветренна больно стала, вот что. Ветер-то у тебя в голове бродит, и заботы нет никакой о том, чтобы хозяйке угодить получше. Вот сейчас опять: стою у двери, звоню-звоню, а она и ухом не ведет. Ей и дела нет, что хозяйка с дачи вернулась усталая, что хозяйка покоя желает.

– А может быть, Лиза и сама уснула, Аграфена Степановна? Мудрено ли? Девочка встает с петухами и целый день на ногах за работой. Мы и то не раз удивлялись с Юрой, как много она работает, – слышался чей-то нежный голос.

Дося и Веня переглянулись в своем уголке за ширмой.

Этот незнакомый голос Лизиной заступницы сразу расположил их в свою пользу.

– Кто это? – шепотом обратилась к горбуну Дося.

Но Веня только отчаянно замахал руками в ответ на ее вопрос.

– Что ты! Что ты! Господь с тобой! Молчи уж, молчи, ради Бога... Еще услышит Велизариха, – зашикал он.

Но Велизариха была далека сейчас от того, чтобы услышать что-либо. Ее скрипучий голос снова задребезжал.

– Напрасно, совсем напрасно вы так думаете, милая барышня: работы у моей Елизаветы не больше, чем у другой прислуги, только копаются она с делами много и кажется, что она с утра до ночи занята. Так-то! А совать носик туда, где вас не спрашивают, не следует. Я бы, на вашем месте, озаботилась лучше, как бы денежки внести вовремя, к сроку. И мне хлопот меньше, да и вам меньше неприятностей, – еще сердитее сказала старуха.

И вот нежный голос снова зазвучал в ответ на ее слова:

– Аграфена Степановна, милая, да где нам взять денег, когда их нет у нас? Или вы думаете, что мы с братом Юрой притворяемся только, что мы не богаты? Так ведь имей Юра возможность заплатить в срок – он бы заплатил, и я бы отвезла вам деньги даже на дачу, а не караулила бы вашего возвращения у окна для того только, чтобы умолить вас не продавать наших вещей до взноса. Ведь подумайте только: если вы продадите Юрино теплое пальто, которое мы у вас заложили в марте, в чем он будет ходить в консерваторию и на уроки зимой? Или сервис наш! Пропадет сервис – единственная оставшаяся нам фамильная вещь. Ах, Господи, я и представить себе не могу, как это будет больно и обидно Юре!

Тут голос девочки дрогнул и оборвался. Кажется, она заплакала.

Но на Велизариху не подействовало ее горе:

– Пальто, говорите, надо? Сервис фамильный жалко? Не в чем ходить по урокам и в консерваторию братцу будет, хи-хи... А кто велит ему, вашему брату Юрочке распрекрасному, кто велит ему в консерватории прохлаждаться да по грошовым урокам бегать, когда он мог бы поступить на место куда-нибудь в банк или контору? Слава Богу, с образованием достать работу завсегда и повсюду можно.

– А как же его ученье? Его игра на скрипке? Ведь брат Юра – талант! Ведь у него впереди широкая дорога. Сам профессор сказал, что из него выйдет со временем прекрасный скрипач, – снова взволнованно зазвучал дрожащий голос девочки.

Но тут старуха уже громко расхохоталась в ответ на слова своей гостьи:

– Эх, милая барышня, милая барышня, когда-то еще что будет! А пока ваш братец музыкантом сделается, вы с ним с голоду помрете. Много ли эти уроки его вам дают? Небось, и сейчас он на уроке, а вас ко мне прислал.

– Нисколько не прислал меня сюда Юра. Я сама пришла, зная, что подошло время выкупа наших вещей, а денег на это нет, и скорой получки ниоткуда не предвидится. Вот я и пришла просить вас подождать... отсрочить продажу вещей наших. Аграфена Степановна! Будьте добры, пожалуйста, ну, хоть месяц еще подождите, хорошая, милая!

Тут нежный голос задрожал сильнее. Трогательные, молящие нотки зазвучали в нем, нотки, способные растопить сердце самого жестокого человека.

Однако они не тронули души Велизаровой. Напротив, как будто еще больше ожесточили ее.

– Чем тут зря время терять да плакаться, шли бы вы домой лучше, милая барышня, – заскрипела старуха. – Братца бы дождались, да уговорили бы его достать-раздобыть деньжонок да принести мне их в срок. Ведь только на два месяца вещи закладывали, клялись, божились, что внесете в мае – с тем и ссужала вас деньгами. Небось, сама рисковала, выдавая такую уйму. Ведь у меня не ломбард какой, деньжищами не ворочаю. Я – бедная вдова, сирота одинокая, и все те грошики, что имею, потом и кровью в работе добыла. Так мне рисковать ими и вовсе не след. Вы, чай, не маленькая, барышня, – пятнадцать годков никак, и ученая вдобавок, в пансионе воспитываетесь, – так можете понять, что довольно стыдно вам с братом обманывать меня, бедную, одинокую старуху. Сказано раз, чтобы в срок деньги внести, так и должны внести. И вот вам мое последнее слово: ежели через три дня не отдадите денег – прощайтесь и с пальто, и с сервисом вашим, так-то, голубчики!

Последние слова старуха злобно выкрикнула на всю квартиру.

И тут произошло то, чего совсем не ожидали растерянные Дося и Веня. Голос юной гостьи затих на мгновение. Потом послышался легкий шум, как будто что-то упало на пол, и внезапно громкое рыдание огласило небольшую квартирку Велизарихи.

– Господи! Господи! – рыдал, обрываясь ежесекундно, детский голос, – что же мне делать, что делать? Юра! Юрочка! Бедняжка ты мой! Как он без теплого останется на зиму? Он, такой хрупкий, нежный, так легко простужается. А любимые его прабабушкины чашки! Все пропадет, все погибнет, погибнет последняя память покойных родителей! Аграфена Степановна, сжальтесь же над нами, милая, добрая! Подождите хоть три недели, хоть две! Умоляю вас, на коленях прошу, вы же видите, голубушка, золотенькая, милая. – Новый взрыв слез покрыл этот жалобный лепет.

И снова закричала вышедшая из себя старуха:

– Да что ж это такое! Люди хорошие, поглядите-ка-сь! У себя дома покоя найти не можешь! И что вы это за комедию играете, барышня? На коленках ползаете, руки мне целуете, постыдитесь хоть Елизаветы моей. Ведь вы – барышня образованная и так унижаете себя.

– Умоляю вас, Аграфена Степановна, ради Бога, – снова прорыдала в ответ гостья.

– Ну, довольно. Будет с вас. Пора и честь знать. Надоело мне все это хуже горькой редьки. Ступайте вон, барышня, довольно меня расстраивать. Хватит! Пора и честь знать. Достаточно я наслушалась. И вот вам мое последнее слово: либо через три дня деньги сюда несите, либо прощайтесь со своим добром. А теперь вон ступайте. Не выталкивать же вас силой. Эй, Елизавета, проводи барышню!

– Нет, я не уйду. Ни за что не уйду, пока вы не пообещаете мне подождать уплаты, хоть неделю.

На этот раз плачущий голос окреп и зазвучал неожиданно сильно.

– Ах, так вы этак-то со мною, миленькая! – зашипела старуха. – Ну, когда на то пошло, – на себя пеняйте. Не хотели добром убираться, уж не взыщите, помимо вашего желания выпроволю.

Снова зашумело и застучало что-то. Не то стул упал, не то кресло свалилось на пол. Детский крик нарушил наступившую на мгновение тишину в квартире.

* * *

С самого начала Дося и Веня волновались за незнакомую девочку. С первых же слов они поняли, что девочка эта – сестра «их музыканта».

И в то время как Дося награждала самыми нелестными прозвищами старуху, Веня ломал себе голову, чем помочь девочке. Но, увы, помочь было нечем. Когда же девочка зарыдала, слезы сочувствия обожгли и грудь Вени.

А разговор старухи и девочки, между тем, все обострялся с каждым мгновением.

И вот прозвучали угрозы старухи и крик ее юной гостьи. Этот крик окончательно затуманил сознание Вени.

– Она выталкивает ее. Может быть, бьет. Я не могу, не могу этого слышать больше! – вырывалось у маленького горбуна, и, прежде чем Дося успела удержать своего друга, Веня выскочил из-за ширмы и бросился в соседнюю комнату.

Старуха стояла посреди комнаты, красная, задыхающаяся от злобы, со съехавшей набок шляпой, и толкала к дверям плачущую девочку – ту самую девочку, которую они с Досей видели не раз в окне квартиры скрипача-музыканта.

При виде этого Веня не смог сдерживаться больше.

Мальчик бросился к старухе Велизаровой, вцепился обеими руками в ее костлявую руку и закричал:

– Вы не смеете! Вы не смеете! Я не позволю обижать. Не позволю!

Его появление было так неожиданно для старухи, что в первое мгновение та растерялась и смотрела на Веню, не зная, что подумать.

Она и раньше встречала маленького горбуна. И появление знакомой ей невзрачной фигурки скорее удивило и ошеломило, нежели испугало старуху. И, тем не менее, она отпрянула от Вени и бросилась к окну.

– Воры! Воры! Караул! Спасите! – завопила во весь голос Велизарова, высовываясь за окошко.

В тот же миг Лиза подскочила к горбуну и, схватив его за руку, потащила к выходу.

– Беги скорее, беги, что есть духу, слышишь! – зашептала она ему, до боли сжимая руку мальчика.

Но он только упрямо тряхнул головой в ответ.

– Никуда я не побегу! Вот что! Зачем мне бежать? Я не вор и не разбойник. Только воры должны бежать, спасаться, если их открыли... А ни я, ни Дося, мы ни за что не побежим, как воры, – произнес он, высвобождая руку от Лизы.

Между тем Велизариха все еще продолжала кричать истошным голосом:

– Люди добрые, спасите! Помогите! Караул! Грабят, режут! Воры! Караул!

И вот так же неожиданно, как за минуту до этого, появился перед нею маленький горбун, появилась высокая белокурая девочка.

Она вышла из-за ширмы, подошла к Велизаровой и осторожно притронулась к ее плечу:

– Ну, стоит ли так волноваться из-за пустяков, сударыня? – произнесла спокойным голосом Дося. – Вы поглядите на нас только! Ну, какие же мы с Веней воры, подумайте сами? Правда, мы пришли сюда к вам, в чужую квартиру, но ведь не для того, чтобы обокрасть вас, конечно; мы только хотели навестить нашу приятельницу Лизу. А когда услышали ваш звонок, испугались и спрятались, зная, что вы всегда сердитесь и кричите понапрасну, как баба-яга, мачеха Белоснежки из сказки. Вы ее читали, надеюсь?

Последних слов, разумеется, не следовало говорить, и Дося в следующее же мгновение почувствовала это. Но слово, как говорится, не воробей – вылетит, не поймаешь, и поправить дело было поздно. Старуха по-своему поняла это выступление девочки.

– А, и ты тоже здесь, миленькая барышня?! – зашипела она. – Вот уж кого не ожидала, признаться. А еще благородная девица называется!

– Я вашу крестную довольно хорошо знаю. Она благовоспитанная барышня, от хороших родителей, даром, что в театре служит, а крестница ихняя, оказывается, вроде воришки, в чужую квартиру залезает. По чужим углам шарит да высматривает.

Никогда еще за всю свою, правда, короткую жизнь, Дося не получала такого оскорбления. Кровь бросилась в лицо девочки. Она подскочила к старухе, готовая наговорить ей всевозможных дерзостей, и тут же оборвалась на первой фразе, почувствовав чью-то маленькую руку на своем плече.

– Успокойтесь, пожалуйста, не надо так волноваться, – произнесла Ася, – тут, очевидно, кроется одно сплошное и досадное недоразумение. Аграфена Степановна не узнала вас, видимо, и приняла за...

– За маленьких воришек, забравшихся в ее квартиру, – подхватила обиженно Дося.

– А нешто не воришки, скажете? А это что?

И Велизариха, успевшая уже вполне прийти в себя от испуга, вдруг схватила одною рукой Веню и, подтащив его к окошку, указала другой на странно оттопыренный карман его куртки.

– Что ты там спрятал, показывай, скверный мальчишка? – прошипела она, склоняясь к самому лицу мальчика.

Тот машинально опустил в карман руку и извлек из него какой-то небольшой блестящий предмет.

И при первом же взгляде, брошенном на этот предмет, старуха совсем зашла от обуявшей ее торжествующей злобы.

– Ага, что? Не вор разве? Что я говорила! Да нешто будет честный человек чужие вещи по карманам прятать? – снова завопила она.

А Веня, растерянный и бледный, смотрел на малахитовое с серебряною лошадыю пресс-папье, вытащенное им самим из собственного же кармана, и старался сообразить, каким образом эта чужая вещь очутилась у него в кармане.

* * *

Однако факт был налицо. Чужая вещь очутилась в его кармане, и старуха имела полное основание уличить его в воровстве.

Теперь на бледном лице маленького горбуна отразился такой ужас, такое безысходное отчаяние, что Дося не выдержала и заговорила быстрой скороговоркой, обращаясь то к старухе, то к Асе, то к Лизе.

– Как вы можете обвинять Веню?! Ужас какой! Что ж тут особенного, что ваша вещь у него оказалась? Ну, да, у него! Так что же такого? Когда вы позвонили, я сама видела, что он держал в руках и рассматривал вещицу. А испугавшись вашего прихода, нечаянно сунул ее в карман. Вот и Лиза тоже видела. Скажи же, Лиза. И вы тоже скажите, Ася, подтвердите Аграфене Степановне, что здесь ни о каком воровстве и речи быть не может!

И она еще долго лепетала на эту тему, стараясь во что бы то ни стало убедить и успокоить старуху.

Между тем крики и призывы последней не прошли даром. Испуганные обитатели маленьких квартир большого дома спешили к ней на помощь. Топот многих пар ног уже слышался на лестнице. И вот раздался дребезжащий звон колокольчика.

Этот звонок заставил сильнее задрожать Веню. Еще бы! Ведь он не ждал ничего хорошего от рассвирепевшей старухи. Она не постесняется, конечно, и в присутствии всех этих людей будет настаивать на своем обвинении, – на обвинении в чудовищном проступке его, Вени. И его мачеха узнает завтра же обо всем этом. Может быть, напишет отцу, его честному, благородному папе, который трудился всю свою жизнь за скромное жалованье и с детства внушал своему сыну такие же мысли.

И он, его сын, его маленький Веня, из-за своей глупой опрометчивости попал в положение вора!

Не помня себя, мальчик бросился к старухе и зашептал, хватая ее за руки, вне себя от волнения:

– Ради Бога, никому ничего не говорите только! Я же не виноват! Вы видите! Ведь я не хотел взять у вас этого, я не хотел!

Но Велизарова с ехидной улыбкой оборвала маленького горбуна, грубо вырвав у него свои руки:

– Что? Попался с поличным, миленький, так и завертелся, как лещ на сковородке. Ну да ладно, что уж там, полиция разберет: брал или не брал. Открой пойдя двери, Елизавета.

* * *

Небольшая квартира ростовщицы наполнилась людьми.

– Что такое? Где воры? Что случилось? – посыпались тревожные расспросы.

Впереди толпы вошла высокая, красивая, лет двадцати восьми особа, в нарядном летнем костюме, сшитом по последней моде. Она первая вбежала сюда. Каково же было удивление

Ирины Иосифовны Подгорской, когда вместо ожидаемых воров, первое лицо, попавшееся ей на глаза, оказалось ее крестницей Досей.

– Евдокия! Это еще что такое? Как ты сюда попала? – удивленно вырвалось у Подгорской, и румянец гнева выступил на ее лице. Вспыльчивая, измученная тяжелой профессией провинциальной артистки, Ирина Иосифовна принимала слишком близко к сердцу малейшие неприятности. Особенно волновали молодую артистку вопросы, тесно связанные с ее крестницей Досей. Будучи еще четырнадцатилетней девочкой-гимназисткой, Ирина, тогда еще не Подгорская, а Стеблева (Подгорской она стала со дня первого своего выступления на сцене, к которой с детства питала какое-то болезненное влечение), она крестила малютку-дочь своей старшей сестры, Досю. А когда сестра Маша скончалась, не вынеся смерти мужа, убитого в турецкую кампанию, Ирина Иосифовна, тогда уже подвизавшаяся на провинциальных сценах, приехала в родной город, взяла осиротевшую шестилетнюю Досю и увезла ее к себе.

Странная жизнь началась с этого же дня у Доси.

Жили они с крестной все время как бы на бивуаке, ютились по гостиницам, в меблированных комнатах, с каждым зимним и летним сезоном меняя города и театры.

Ирина Иосифовна целыми днями отсутствовала, проводя все свое время на репетициях и спектаклях. Дося же оставалась целыми днями на попечении прислуги и соседей по комнатам. Какая-то сердобольная соседка выучила девочку читать. Ирина Иосифовна урывками между репетицией и спектаклем научила девочку письму, арифметике и начальным предметам. Потом отдала ее на одну зиму в гимназию и взяла ее оттуда весной, получив место в другом городе. Но, тем не менее, уроки и короткое пребывание в гимназии сделали свое дело. Дося пристрастилась к чтению, благо книг у нее было достаточно, как достаточно было и сладостей, и игрушек, которыми баловали товарки и товарищи ее крестной по театру хорошенькую девочку.

Особенно любила Дося сказки. Они развивали ее фантазию и уносили девочку в царство мечты. И бойкая, шаловливая Дося стала большой мечтательницей.

Ирина Иосифовна, добрая по существу девушка, однако, совсем не подходила к роли воспитательницы. Она то баловала Досю: задаривала ее подарками, закармливала конфетами; то наказывала за малейшую провинность, а иной раз, под сердитую руку, и бивала ее.

Сейчас же, вбежав в квартиру Велизаровой и увидя там Досю, Подгорская зашла от гнева.

– Ты это что же наделала, дрянная девчонка? Осрамить меня захотела? Ведь госпожа Велизарова звала только что на помощь от воров, забравшихся к ней? Значит... Значит... Ужас какой! Да как ты тут очутилась в чужой квартире? Подумать даже боюсь, что...

Тут Ирина Иосифовна, не договорив, всплеснула руками и закрыла ими лицо в страшном волнении.

– Крестная! Не волнуйтесь! Не волнуйтесь, ради Бога! Я вам все расскажу, сейчас все расскажу по порядку. И не слушайте Велизариху. Умоляю ее не слушать. Здесь же нет никаких воров. Ей-Богу! Она все наврала. Сама все выдумала, – захлебываясь от волнения, лепетала Дося.

Но тут выступила на сцену сама Велизарова, что-то оживленно до этой минуты рассказывавшая увеличивающейся с каждой минутой толпе в ее квартире.

– Как это «наврала»? Ну и выдумала! – неожиданно упирая руки в бока и подступая к Досе, спросила она гневно.

Но тут высокая смуглая девочка незаметно приблизилась к Ирине Иосифовне и обратилась к ней тихим голосом:

– Послушайте, не волнуйтесь и не сердитесь на вашу крестницу, сударыня. Она столько же виновата, сколько и я. И она, и этот мальчик! – кивнула Ася в сторону Вени и стала быстро рассказывать обо всем случившемся.

Ирина Иосифовна внимательно выслушала девочку, а вместе с нею выслушала ее и набравшаяся в жилище Велизарихи многочисленная публика.

Эта худенькая, с умным и честным лицом девочка невольно внушала доверие к себе.

Без утайки, насколько могла спокойно рассказывала все Подгорской Ася. А когда Ася дошла в своем рассказе до момента неожиданного появления своего маленького заступника и о том, как старуха намеревалась выставить его вором, среди присутствовавших пронесся гул порицания.

– Так вот оно что! Так чего же шум-то зря поднимать было? – раздались недовольные голоса. – Видно, осталась верна себе Велизариха. Всюду ей воры да грабители мерещатся. Разжилась на чужом добре, так, небось, теперь над ним и трясется.

– Да и кого она обвиняет-то, поглядите, люди добрые, детей несмышленных, – вторили им другие.

– И убогого не пощадила. Бессовестная. Небось, горбунка Венюшку все мы, с его отцом да мачехой, знаем. Редкой честности люди. Хоть сейчас за них присягну, – раздраженно вскрикнула прачка Авдотья, одна на старейших обывательниц большого дома.

– И то правда истинная. Да что это придумала Велизариха! Да долго ли фокусы ейные выносить станем? – вторила прачке другая женщина.

Понемногу толпа расходилась, возмущенная и недовольная поведением ростовщицы.

Последняя еще пробовала возражать что-то, продолжая обвинять детей, невесть зачем забравшихся в чужую квартиру. Но ее слова звучали уже менее уверенно. Теперь сама она казалась сконфуженной и невольно призадумалась. В самом деле, не перехватила ли она, Велизарова, через край? И то сказать, что общего с ворами и жуликами было у этого жалкого горбатого мальчугана или у его приятельницы, актрисиной крестницы. Теперь Велизарова в душе уже раскаивалась за поднятый ею не вовремя и не к месту переполох, а к довершению всего новая тревога вошла в ее сердце.

Она даже заметно изменилась в лице от этой тревоги и испуганными глазами окинула всех этих людей, чужих и враждебных, еще не успевших оставить ее квартиры.

«Батюшки мои! Да что же это такое? Да это я допустила к себе всю эту ораву? – пронеслось в голове старухи. – Не приведи Господи, еще стянут что-нибудь. Разве угладишь тут за ними».

– Елизавета! – вдруг закричала она не по годам звонким голосом. – Чего стоишь, рот разиня? Проводи всех да дверь запри на цепочку. Что у нас здесь: ярмарка, а то рынок, что ли?

– И то, ярмарка. Ишь добра-то сколько понавалено, выбирай что любо, да и только! – пошутил какой-то бойкий паренек из мастеровых.

– А вы, сударыня, напрасно только народ беспокоили. То от воров спасти звали, а то и честью выпроваживаете. Не дело это, – вторила ему недовольным голосом какая-то бедно одетая женщина.

– Пойдем отсюда, Дося, зови своего приятеля, и идемте, дети! – тоном, не допускающим возражений, проговорила Подгорская, беря за руку крестницу и энергично направляясь с нею к дверям.

– Идем, Веня, – шепнула товарищу Дося.

* * *

У подъезда они расстались. Подгорская с крестницей направилась к себе, а Веня стал подниматься по лестнице в свою крошечную квартирку.

Сердце обиженного горбуна то колотилось, то замирало в груди. В душе еще жила только что перенесенная им обида. Ужасное обвинение, брошенное им старухой, не давало покоя мальчику.

Положим, он сам виноват во всем случившемся. Не следовало идти в чужой дом, да еще крадучись, потихоньку, и чужие вещи брать в руки. Поделом ему за это.

А все-таки горько, так горько, до слез, переживать такие минуты!

И чем выше поднимался по лестнице к себе Венья, тем теснее сжималось его сердце, тем большее становилось в душе.

Ведь, как-никак, ему придется во всем чистосердечно сознаться маме, признаться и в сегодняшнем обмане, и в не очень-то красивом поступке. А все же пускай от него она лучше узнает, нежели от других! Мамаша добрая. Она простит и забудет его оплошность. Да, кстати, надо переговорить серьезно с Велизарихой. Как никак, а ведь неприятно и обидно оставаться под подозрением даже у такой несправедливой и злой старухи.

Венья так увлекся своими мыслями, что не заметил, как позади него кто-то неслышно поднимался по лестнице, и только когда неожиданно знакомый уже голос окликнул его на последней площадке, мальчик обернулся. Перед ним стояла сестренка скрипача – Ася.

– Подождите открывать дверь, я должна вам сказать то, что хотела раньше там еще, в квартире Велизаровой. Во-первых, спасибо вам за ваше заступничество. Я вам этого никогда не забуду. Эта злая, гадкая старуха, действительно, была несправедлива и груба со мною. А между тем, ведь я ни в чем, ни в чем не виновата! Правда, мы с братом Юрой запоздали немного заплатить ей деньги. Вы знаете моего брата Юру? Не правда ли? Вы слышали его игру? По крайней мере, он вас уже давно знает, и давно говорил мне, что двое детей-подростков слушают его у окна напротив. И я сама не раз видела вас обоих. И мне казалось, что вам тоже нравится игра моего брата. Так вот, если вы хотите, приходите к нам с тою белокурой девочкой, кажется, ее зовут Досей, в гости. Юра сыграет вам на скрипке, а я угощу вас чаем и бисквитами, которые сама стряпаю для Юры. А теперь прощайте, уже поздно, и Юра может вернуться каждую минуту домой. С тех пор, как разъехались все его ученики на летнее время, он поступил на место в оркестре в одном из летних театров и приходит теперь позднее. А я его жду с чаем до одиннадцати часов; ведь я почти взрослая, перешла в старшее отделение пансиона; мне уже минуло пятнадцать лет. Так помните же, мы с братом ждем вас и вашу подругу. – И, кивнув темной головкой, с длинной, до талии, косой, Ася стала спускаться с лестницы, прежде чем Венья успел поблагодарить девочку за приглашение.

«Неужели же это правда? – думалось Венье. – Неужели он и Дося могут теперь беспрепятственно слушать вблизи игру их „чудного музыканта“, того самого талантливого скрипача, который так пленил их своею скрипкой? Стоило перенести ради этого даже такую мучительную неприятность, которая случилась с ним нынче». И совсем уже счастливый, мальчик вошел к себе.

А в это самое время в занимаемой от жильцов комнате артистки Подгорской происходила беседа совсем иного рода.

– По-настоящему, тебя следовало бы примерно наказать за то, что ты осрамила меня на весь дом, гадкая девчонка, – строго обратилась Подгорская к смущенно молчавшей Досе. – Но то, что ты чистосердечно рассказала всю правду, отчасти смягчает твою вину, и я ограничусь тем, что запрещаю тебе три дня подряд выходить из дома. Слышишь? Целые три дня ты просидишь дома. А чтобы ты не удрала, когда меня не будет, я возьму твои ботинки и спрячу их в шкаф под замок, так будет вернее. Давай же мне их сюда, живо!

– Крестная...

– Что, крестная? Стыдись! Ты большая четырнадцатилетняя девочка и не можешь понять, насколько некрасиво твое поведение. И нечего теперь делать жалостное лицо. Этим не разжалобишь меня. Так-то, моя милая. Снимай же ботинки. Слышишь?

Увы! Досе не оставалось ничего другого, как повиноваться. Она расстегнула ботинки, сняла их со своих маленьких ног и вручила крестной, которая поставила их на пол подле себя.

– Прекрасно, теперь хоть за эти три дня ты не выкинешь снова какой-нибудь штучки. А теперь подай мне «Чтец-декламатор», я задам тебе выучить стихи на это время – не сидеть же тебе три дня сложа руки.

Дося вздохнула так громко, что ее крестная едва могла удержать улыбку, несмотря на все свое недовольство девочкой. И эта улыбка решила дело. С быстротой молнии Дося кинулась на грудь Ирине Иосифовне, обвила руками ее шею и покрыла в одно мгновение все лицо ее градом бешеных поцелуев.

– Да! Да! И без ботинок сидеть буду, и стихи вызубрю, – лепетала между поцелуями и смехом девочка, – только вы-то, крестненькая, не сердитесь на меня. Ради Бога, не сердитесь на глупую Доську, она вас так любит, золотенькая моя, бесценная!

– Ну-ну, довольно! – всячески отбивалась от этого бурного доказательства любви Ирина Иосифовна, стараясь вырваться из цепких объятий шалуньи, в то время как предательская улыбка все еще морщила ее губы.

– Ну, будет, Дося, довольно. Видишь – всю прическу измяла. Лучше позвони Луше, попроси ее самовар поставить и подать закуску.

– Сейчас. Сию минуту, крестненькая! – И Дося стремительно ринулась к звонку.

А через полчаса она, как ни в чем не бывало, уже сидела за приставленным к стенке ломберным столом, заменявшим им с крестной обеденный, и, уплетая бутерброд, с набитым ртом говорила Подгорской:

– Если бы вы знали, как мне жаль этих Зариных, крестненькая. А особенно – самого скрипача-бедняжку. Вы подумайте только: ведь не вечно же будет продолжаться лето. Придет осень, зима, а теплого пальто и не будет у бедняги. Между тем, девочка говорила, что ее брат слабого здоровья. И единственную дорогую по семейным воспоминаниям вещь они потеряют тоже. Старуха продаст и теплое пальто, и сервиз без всякого колебания. Вы только подумайте, как это неприятно, крестненькая!

– Да, это очень неприятно, – согласилась Ирина Иосифовна с крестницей.

– А как вы думаете: можно этому помочь, крестненькая?

– Помочь?

Подгорская взглянула на девочку, в то время как в красивой головке артистки уже зароботала новая мысль. Неожиданный толчок внезапно оборвал ее, и Подгорская вскрикнула не то испуганно, не то сердито:

– Ты опять болтаешь ногами, Дося, и ушибла меня. И что у тебя за разбойничьи манеры, право! Пора бы, наконец, научиться держать себя, как подобает взрослой барышне.

– Простите, крестненькая, я думала, что без ботинок не больно. Я нечаянно, не буду больше. Эго произошло потому только, что я серьезно думаю. А когда я серьезно думаю, я всегда болтаю ногами. Увы, это так! Что уж тут будешь делать? Должно быть, я такой уже родилась, – печально закончила девочка.

Наступила короткая пауза, и вот Дося неожиданно и весело вскрикнула на всю комнату:

– Ах, постойте, крестненькая, подождите! Я придумала, ура! Вещи Асина брата спасены! Да, да, спасены, конечно! Я вот что придумала, слушайте.

Тут она вскочила с места и, топая ногами от нетерпения, быстро заговорила:

– Во-первых, мы сделаем лотерею, крестненькая. Понимаете? Вещи для лотереи мы уж соберем как-нибудь, раздобудем и у знакомых. Старуха же сказала, что через три дня надо ей принести деньги. И они у нее через три дня будут, потому что через три дня уж, наверное, вы успеете распродать билеты, крестненькая? И вещи собрать тоже. Во-первых, у нас есть много лишнего, чего вовсе и не надо.

– А именно? – чуть-чуть насмешливо прищурилась на крестницу Ирина Иосифовна.

– Господи, да неужели нет? Во-первых, мое белое платье, что вы сделали мне к причастию. Это раз. Потом серебряный венок, который вам поднесла публика в Туле, – это два; потом

мой альбом с коллекцией открыток и, наконец, книга «Чтец-декламатор», ведь она толстая и дорогая, и у нее такой чудесный переплет!

В первой половине Досиной речи Ирина Иосифовна невольно умилилась готовностью Доси пожертвовать ее сокровищем – открытками, которые она собирала последние три года, и своим единственным нарядным платьем. В этом наряде она была прелестна. Но когда Дося упомянула о «Чтеце-декламаторе», своем злейшем враге, сплавить который куда-нибудь подальше было едва ли не первой мечтой девочки, Подгорская не могла не расхохотаться.

– Ну, и хитрая же ты девчонка, нечего сказать! А вот насчет лотереи ты не дурно придумала, пожалуй. Только надо это сделать, как можно тактичнее, лучше. А главное, чтобы сам скрипач не догадался, откуда появились деньги. По всей вероятности, ему была бы неприятна наша помощь. Ведь он не нищий, а только случайно, по-видимому, попал в беду. Всего же лучше действовать через девочку, Асю. Она показалась мне довольно умной и развитой девочкой. Что же касается меня, то я, конечно, охотно пожертвую и моим венком, и еще кое-чем из моего гардероба и безделушек, а к ним присоединим и твое платье, и коллекции. А вот «Декламатора» для лотереи я, разумеется, не отдам ни за что. Он и тебе самой пригодится.

– Увы! – с комическим отчаянием вздохнула Дося и тут же с новым приливом восторга бросилась на шею Подгорской.

– Вы прелесть, крестненькая! Вы умница! Вы сама добрая фея. Господи, какая вы добрая у меня! – ликовала Дося. – А я завтра же побегу к Вене и под величайшим секретом переговорю с ним. Может быть, и у него или у его мачехи найдется что-нибудь тоже для лотереи.

– Нет, ты к Вене не пойдешь завтра, – внезапно прекратила восторженный лепет крестницы Подгорская.

– Но почему же? – растерялась Дося.

– Да потому, прежде всего, хотя бы, что без башмаков этого сделать будет никак нельзя.

– Ах да, и то правда! А я совсем забыла о том, что башмаки в плену. Ну, ладно! Веня придет сюда, и мы, сообща, решим это дело. А может быть, вы отложите ваше наказание до более удобного времени, крестненькая? – робко заикнулась Дося.

Ирина Иосифовна подумала немного и согласилась.

– Хорошо, но помни: когда лотерея будет устроена, ты отсидишь положенные тебе три дня. Слышишь, Дося? – И Подгорская подкрепила свои слова строгим взглядом.

Но Досю этот взгляд, по-видимому, не смутил нисколько. Она взвизгнула от восторга и волчком завертелась по комнате.

* * *

Теперь у наших юных друзей Доси и Вени началась работа. К белому платью и к альбому с коллекцией открыток присоединилось немало вещей, пожертвованных и ее крестной, и ее знакомыми.

Ирина Иосифовна приняла самое деятельное участие в этом деле и охотно отдала кое-что из поднесенных ей публикой подарков, дорогих по воспоминаниям, и несколько носильных вещей из своего гардероба, что являлось уже значительной жертвой для артистки, которой приходится дорожить каждой тряпкой, каждой ленточкой или кружевом.

Многие из товарищей Подгорской по театру дали каждый что мог для «талантливого артиста», который попал в «тяжелое положение». Давали, как говорится, с закрытыми глазами, не стараясь даже узнать, кто этот талантливый артист, и какого рода несчастье с ним случилось.

Они же раскупили и большую часть билетов. Эти билеты Дося и Веня изготовили сами, аккуратно нарезав их из чистой бумаги и скатав тщательным образом, написали на одних из них цифры, на других – название вещей. Так же аккуратно был сделан и список подписчиков на

лотерею. Этим делом заведывал Веня, обладавший красивым, четким, как у взрослого, почерком. И сам Веня участвовал в лотерее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.